

DOI: 10.25178/nit.2026.2.2

Статья

Китайские тувинцы в «Книге Тувы» (2005) китайского писателя Ван Цзу

Лян Чэн

Хэбэйский университет, Китайская Народная Республика

В статье исследуются способы репрезентации образа китайских тувинцев в произведении китайского писателя Ван Цзу «Книга Тувы» (2005). В качестве предмета исследования рассматривается текст как форма культурного знания, в которой бытовые эпизоды, устные формулы и исторические образы объединяются в единое повествовательное поле. Особое внимание уделено тому, каким образом писатель оформляет локальную общность и формирует устойчивые смысловые структуры, задающие целостный образ культурного пространства.

Методологическая база статьи основана на сочетании жанрово-композиционного и нарративного анализа с культурно-антропологической интерпретацией. На материале произведения выявлены основные механизмы репрезентации: перекрестная композиция как способ сохранения множественности перспектив, функционирование поговорочного слоя как носителя коллективной памяти, предметная семантика утвари и скота как индексы преемственности, а также роль числовых практик и ритуалов в организации повествовательных ситуаций. Отдельное внимание уделено обращению к образу Чингисхана как средству масштабирования локальной истории и как фактору идеализации изображаемого сообщества.

Показано, что «Книга Тувы» занимает особое место на пересечении документалистики и художественной реконструкции: текст сохраняет ценность как источник наблюдений о повседневной жизни, но одновременно преобразует их в художественный конструкт, формирующий публичный образ китайских тувинцев.

Ключевые слова: китайские тувинцы; Ван Цзу; «Книга Тувы»; кочевой образ жизни

Подготовлено при поддержке проекта «План привлечения талантов “Золотая терраса Яньчжао” провинции Хэбэй, Китай (платформа для возвращающихся из-за рубежа специалистов)» (грант № B2024035).

Для цитирования:

Чэн Л. Китайские тувинцы в «Книге Тувы» (2005) китайского писателя Ван Цзу // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 26-36. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.2>

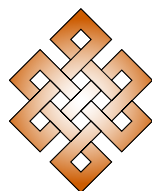

Чэн Лян — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка факультета иностранных языков Хэбэйского университета. Адрес: Китай, провинция Хэбэй, г. Баодин, ул. Вуси Донг, д. 180. Эл. адрес: chengliangvila@yandex.ru

---

CHENG, Liang, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, Faculty of Foreign Languages, Hebei University. Postal address: 180, Wusi Dong St., Hebei, Baoding, China. E-mail: chengliangvila@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-5225-4342

Chinese Tuvans in *The Book of Tuva* (2005) by Wang Zu

Liang Cheng

Hebei University, People's Republic of China

*The article examines the ways in which the image of Chinese Tuvans is represented in the work of the Chinese writer Wang Zu, *The Book of Tuva* (2005). The text is analyzed as a form of cultural knowledge in which everyday episodes, oral formulas, and historical images merge into a unified narrative field. Attention is paid to how the author constructs local community identity and develops stable semantic structures that define a coherent image of cultural space.*

The methodological foundation of the study combines genre-compositional and narrative analysis with cultural-anthropological interpretation. Based on the textual material, the study identifies key mechanisms of representation: cross-cut composition as a means of preserving multiple perspectives; the proverb layer as a carrier of collective memory; the material semantics of utensils and livestock as indices of cultural continuity; and the role of numerical practices and rituals in the organization of narrative situations. Special attention is also given to the invocation of the image of Genghis Khan as a device for scaling local history and as a factor of idealization of the depicted community.

*It is demonstrated that *The Book of Tuva* occupies a distinctive position at the intersection of documentary narration and artistic reconstruction: the text retains its value as a source of observations on everyday life, while simultaneously transforming them into a literary construct that shapes the public image of Chinese Tuvans.*

Keywords: Chinese Tuvans; Wang Zu; *The Book of Tuva*; nomadic lifestyle

Financing

This research was supported by the project "Yan Zhao Golden Terrace Talent Recruitment Plan" of Hebei Province, China (Platform for Overseas Returnees), grant no. B2024035.

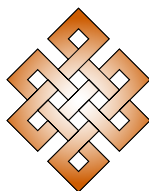

For citation:

Cheng L. Chinese Tuvans in *The Book of Tuva* (2005) by Wang Zu. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 26-36. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.2>

Введение

Тувинцы в основном компактно расселены на территории Алтайского аймака Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики, вследствие чего считаются «китайскими тувинцами». Значительная часть населения проживает на крайнем северо-востоке Или-Казахского автономного округа, преимущественно в уездах Каба и Бурчин, а также в уездах Алтай, Чингиль, Кок-Дугай и Бурул-Дугай (Монгуш, 2010: 212). Вопрос численности китайских тувинцев остается одним из наиболее сложных и запутанных в исследовательской практике: китайская статистика не выделяет их в качестве самостоятельной народности и они не включены в официальный перечень народов страны, что приводит к значительной разногласии в публикуемых оценках (там же: 216). В ряде современных исследований и репортажей приводится оценка примерно в две тысячи человек (Юша, 2013; Юсинь, 2014; Kai Hua, 2025). При этом отмечается устойчивая тенденция к постепенному сокращению численности, что дополнительно осложняет попытки получить достоверную демографическую картину. До 1980-х гг. контакты китайских тувинцев, проживавших в Синьцзяне, с социально-экономическими структурами внутренних районов Китая оставались относительно ограниченными. Начиная с 1986 г. развитие туристской деятельности в районе Канас и усиление административного регулирования привели к изменению хозяйственных практик, жилищных форм и миграционных стратегий: туризм обеспечил дополнительные источники дохода, тогда как образовательная и трудовая мобиль-

ность, межэтнические браки и перемещение семей в районные центры способствуют частичной урбанизации и оттоку населения, а низкий естественный прирост усугубляет демографическую стагнацию или постепенное сокращение общины (Юша, 2017: 115).

При этом в современной китайской прозе наблюдается возрастающий интерес к тувинской теме: все больше писателей Китая иной этнической принадлежности включают тувинские мотивы в художественные тексты, нередко придавая образу тувинцев и местам их проживания романтизирующую или мистифицирующую окраску — например, в формулировках типа «племя в облаках»¹, «чудесный Алтай»², «одинокая легенда у подножия Алтая»³. Журнал «Китайская национальная география»⁴ отнес тувинскую деревню, расположенную на берегу озера Канас, к числу самых живописных старинных поселений страны, подчеркнув, что там «по-настоящему ощущается погружение человека в объятия природы»⁵.

В этом культурно-природном пространстве была создана «图瓦之书» (Книга Тувы), опубликованная в 2005 г. и рассматриваемая как первое литературное произведение, посвященное китайским тувинцам. Произведение написано на китайском языке и издано Синьцзянским народным издательством⁶ (фото 1).

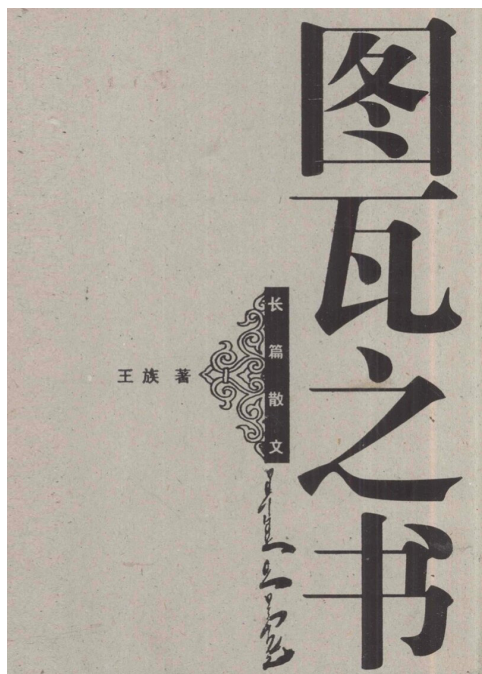

Фото 1. Обложка «Книги Тувы» Ван Цзу (2005)
Photo 1. The cover of the “Book of Tuva”
by Wang Zu (2005)

¹ См.: Xue Tianbao. 聚焦神奇的“云间部落” — 图瓦人栖身地禾木村采风散记 [Удивительное «племя в облаках» — заметки о деревне Хэму] // 青海金融 [Цинхайские финансы]. 2003. № 19. С. 63–64; Chen Chao. 喀纳斯湖畔的“云间部落” [«Племя в облаках» на берегу озера Канас] // 今日新疆 [Сегодняшний Синьцзян]. 2006. № 8. С. 54; Ke Min. 图瓦人的“云间部落” — 布尔津白哈巴 [Тувинское «племя в облаках» — Байхаба уезда Бурджин] // 中华建设 [Китайское строительство]. 2011. № 12. С. 51–53.

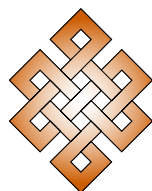
² Hu Jinsheng. 神奇阿勒泰 [Чудесный Алтай]. Beijing: Xuexi, 2005. 223 с.

³ Wu Shuang. 最后的图瓦人: 阿尔泰山脚下孤独的传奇 [Последние тувинцы: одинокая легенда у подножия Алтая] // 科学大观园 [Научный сад]. 2005. № 22. С. 83–85.

⁴ «Китайская национальная география» (中国国家地理) — авторитетный китайский научно-популярный географический журнал, основанный в 1950 г. под эгидой Китайского географического общества. Издание специализируется на природном, культурном и этнографическом многообразии Китая и широко цитируется в гуманитарных и регионаловедческих исследованиях.

⁵ Wang Jinghui. 图瓦村: 所谓伊人, 在水一方 [Тувинская деревня: место с необыкновенным шармом] // 中国国家地理 [Китайская национальная география]. 2005. № 10. С. 502.

⁶ Синьцзянское народное издательство (新疆人民出版社) — региональное официальное издательство Синьцзян-Уйгурского автономного района, одно из наиболее влиятельных издательств региона. Специализируется на публикации художественной литературы, научных, культурно-этнографических и просветительских изданий, в том числе материалов по истории и культуре местных народов.

Автор — писатель Ван Цзу¹, ханец, родился в 1972 г. в северо-западной части Китая, в провинции Ганьсу, в настоящее время проживает в Урумчи. Является членом Китайского союза писателей, работает в составе Синьцзянского союза писателей и занимает должность заместителя председателя Урумчинской городской писательской ассоциации. На протяжении длительного времени занимается прозой; его творчество сосредоточено на региональной культуре Синьцзяна и жизни национальных меньшинств, с особым вниманием к культурной памяти и природной среде таких народов, как тувинцы. Среди его наград — Литературная премия Тяньшань (2014), Премия за прозу 6-го Западного Китая (2020) и Премия за эссе Фэн Цзыкая (2022) и др.² Он, длительное время работавший в регионе, на протяжении пяти лет регулярно приезжал в деревню Байхаба, жил среди местных жителей, общался с ними и выстраивал устойчивые межличностные связи, что позволило ему зафиксировать повседневные практики, локальные нарративы и конкретные жизненные эпизоды. В результате был создан документально-прозовый монументальный цикл, в котором описание быта и исторического опыта тувинцев, прежде всего жителей Байхабы, сочетается с воспроизведением эпизодов с именами реальных людей, придавая тексту выраженную этнографическую направленность и исследовательскую ценность.

В данной статье анализируются способы репрезентации китайских тувинцев в произведении Ван Цзу «Книга Тувы» (2005). Предмет исследования — художественный текст как форма культурного знания, в которой повседневные практики, исторические образы и элементы устной традиции объединяются в целостное повествовательное поле.

Цель настоящей работы — выявить и систематизировать художественные механизмы репрезентации китайских тувинцев в произведении «Книга Тувы», определить особенности его сюжетно-композиционной организации и тематической структуры. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) описать структуру и композицию произведения; 2) проанализировать представления о кочевом образе жизни и их художественные преобразования; 3) исследовать роль поговорочного слоя в организации текстовой памяти; 4) выявить функции числовой символики в семантике текста; 5) оценить способы включения исторических образов, в том числе образа Чингисхана, в нарративную картину сообщества.

Работа выполняется в рамках литературоведческого дискурса с опорой на культурно-антропологический контекст, что позволяет рассматривать произведение как особый тип художественной репрезентации, а не как прямой этнографический источник. Методологическая база включает жанрово-композиционный и нарративный анализ, культурно-антропологическую интерпретацию и анализ поговорочного материала.

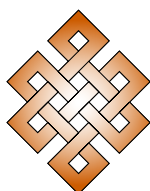
В качестве основного эмпирического материала используется художественный текст «Книга Тувы» китайского писателя Ван Цзу. Для контекстуализации привлекаются критические статьи, рецензии, аналитические доклады и этнологические исследования, однако первичным корпусом исследования остается указанный роман.

Общие характеристики книги, ее структуры и сюжет

«Книга Тувы» Ван Цзу представляет собой сборник рассказов. Действие локализовано в аутентичном этнографическом пространстве — селе Байхаба у озера Канас в провинции Синьцзян, где компактно проживает небольшое сообщество китайских тувинцев. Стилистически писатель использует поэтичный и эмоционально насыщенный язык при изображении жизни тувинцев, что выделяет книгу на фоне сугубо документальных очерков.

¹ Ван Цзу [Электронный ресурс] // Союз китайских писателей. URL: <https://www.chinawriter.com.cn/n1/2016/0627/s404950-28493932.html> (дата обращения: 20.02.26).

² Литературная премия Тяньшань — ежегодная национальная премия, присуждаемая за выдающиеся достижения в современной китайской литературе, с особым акцентом на произведения, связанные с культурой Синьцзяна. Премия за прозу Западного Китая — двухгодичная литературная премия, присуждаемая авторам за лучшие произведения прозы, отражающие региональные и культурные особенности западных регионов Китая. Премия за эссе Фэн Цзыкая — двухгодичная премия в области эссеистики, присуждаемая за оригинальные работы, отличающиеся художественной выразительностью и глубиной размышлений о культуре и обществе.

Структурно книга построена как многотомный свод рассказов: она разделена на 9 томов, включающих в общей сложности 89 небольших глав. Общий объем текста — около 300 тысяч китайских иероглифов. Такая организация обеспечивает эффект перекрестной структуры: каждое отдельное эссе относительно самостоятельно, но повторяющиеся герои, мотивы и культурные детали обеспечивают межглавную связанность.

Первый том «За возвышенностью» раскрывает макроперспективу и вводит читателя в географическое расположение и историю миграций тувинских племен. Второй том «Внутри и вне изгороди» сосредоточен на жилом пространстве; через тексты «127 оград», «О связях с цифрой два» и «Кража овечьей шкуры: сцена свадьбы» демонстрируются семейная структура, числовые представления и брачные обряды. Третий том «Яркая утварь» последовательно фиксирует традиционные предметы быта и духовную связь между утварью и ее носителями. В четвертом томе «Шесть легенд» собраны шесть персонажных преданий, в том числе «Сын неба», «Флейтист Арбуян» и «Снайпер Майгэнхэс», представленных в духе устной традиции. Пятый том «Поднимается пыль» объединяет разноплановые сюжеты и показывает контакты тувинцев с внешним миром наряду с их внутренним духовным миром. Шестой том «Танцоры на склоне» и седьмой том «Образ кочевника» концентрируются на ключевых сценах кочевой жизни: миграциях, быте стойбища и взаимоотношениях между человеком и скотом, включая тексты о «жизни в безвыходной ситуации» и о том, «как овцы видят человека». Восьмой том «Один волк: 11 дней» представляет собой последовательную одиннадцатидневную запись наблюдений за жизненным циклом одной волчицы и через этот материал раскрывает отношение тувинцев к природным созданиям. Заключительный, девятый, том «Метель» сводит повествование к завершению: тексты «Тщательное описание снега», «О снежных обвалах», «За гранью смерти», «Снег сломал ветви» замыкают книгу в образах сезонного кругооборота и финальности жизни.

Важно отметить, что у «Книги Тувы» нет классического сюжета «от начала до конца» — вместо этого автор создает культурную палитру через ряд сцен из повседневности тувинцев. В книге сквозь темы о воде, земле, огне, животных и традициях тувинцев прослеживается глубокая связь между людьми и природой. В частности, книга содержит сборник тувинских поговорок и примет, отражающих мудрость их кочевого образа жизни и служащих поведенческими нормами.

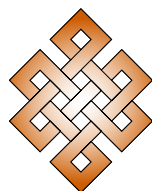
В китайском литературном сообществе «Книга Тувы» привлекла внимание как редкое произведение о малочисленном народе. С академической же точки зрения работа широко используется как этнографический источник о тувинцах Китая. Доклад ICCA Consortium по общинным природоохранным территориям в Синьцзяне включает «Книгу Тувы» в библиографию ключевых трудов по данной теме. В этом докладе подчеркивается, что Ван Цзу «поэтическим и эмоциональным языком»¹ описывает жизнь тувинцев Байхаба, при этом само произведение рассматривается как важный этнографический материал. Помимо того, китайский этнолог Гуань Биншэн в статье «Маргинальные этнические группы в условиях кризиса модерности: основные социальные проблемы китайских тувинцев» цитирует «Книгу Тувы» как существенный источник данных о социальных проблемах и повседневной жизни китайских тувинцев (Guan Bingsheng, 2012: 96).

Таким образом, «Книга Тувы» представляет собой интересный источник, который используется в исследованиях как по этнологии и проблемам коренных народов, так и в описаниях культурных практик китайских тувинцев.

Кочевой образ жизни

События и судьбы персонажей распределены между томами, что придает повествованию цельность, сравнимую с романом. Такая композиция демонстрирует стилистический прорыв автора и попытку освоить новый жанр реалистической прозы. Во всем объеме произведения бытовые сцены тувинцев помещены в фоновый культурно-исторический контекст «кочевого» уклада. Описание миграции семей, поиска пастбищ и воды подчеркивает региональный колорит и историю Западного Алтая. Культура кочевника здесь представлена как устойчивая система: например, в седьмом томе «Облик

¹ Hou Yuxin. Analysis on ICCA in the region of Xinjiang [Электронный ресурс] // ICCA Consortium. URL: <https://www.iccaconsortium.org/wp-content/uploads/2016/03/ICCA-in-Xinjiang-ch.pdf> (дата обращения: 22.02.26).

кочевника» тонко описывается феномен «перекочевка» (переезда к новому стойбищу), играющий ключевую роль в быту.

Особое внимание автор уделяет ограде как материальному символу домашнего порядка. По логике сообщества, как пишет он, сначала ставят забор, а потом строят жилище внутри него: «Наличие ограды означает наличие дома»¹. Ван Цзу подчеркивает понимание границ как основы безопасности и хозяйственной автономии. Ограда выступает здесь материальным маркером социальной принадлежности и устойчивости, посредником между семейным бытом и внешним миром. Здесь мы можем видеть у кочевников результат политики седентаризации — трансформацию особенностей понимания своего пространства, которое традиционно начиналось с понимания юрты как дома (Традиционное мировоззрение ... , 1988: 56–71).

В третьем томе «Яркая утварь» Ван Цзу сосредотачивает внимание на предметном измерении повседневности, оформляя названия разделов словами шоор², коса, подойник, топор, седло, которые становятся заголовками соответствующих блоков текста. В произведении подчеркивается базисная связь между наличием орудия и устойчивым существованием: «В деревне: есть топор, будет дом; есть молочный бидон, будут запасы на зиму; есть коса, покосив столько сена, можно прокормить множество коров и овец»³. При этом многократно фиксируется передача вещей по поколениям: предметы наследуются от старших к младшим и при передаче накапливают следы времени и эмоциональную память. В условиях такой преемственности утварь выходит за рамки чисто утилитарного статуса и становится носителем семейной памяти и жизненного опыта. Описания происхождения, способов использования и сохранения предметов демонстрируют механизм материально опосредованной передачи культуры, благодаря которому повседневные практики сохраняются и получают продолжение в исторической перспективе. Предметный ряд в тексте выступает не фоном быта, а важным индексом культурной устойчивости и исторической преемственности тувинской общины.

Кроме того, Ван Цзу подчеркивает центральную роль овец в жизни тувинцев, прямо утверждая, что овцы воспринимаются ими как «дар небес»⁴. Это утверждение не сводится к чисто экономическому описанию: в хозяйстве, ориентированном на скотоводство, овца одновременно является и базисом материального существования (пища, молочные продукты, шкура, сырье для орудий и предметов быта), и социальным мериллом — показателем богатства, положения и сетей взаимопомощи. В детальной сценографии второго тома — в эпизодах с перетягиванием овечьих шкур на свадебных торжествах и совместным поеданием ушей — зафиксированы не только практики распределения ресурсов, но и ритуальные акты, отмечающие признание кругооборота жизни и благодарность за дары природы. Таким образом овца в тувинской культуре выступает одновременно и как ресурс, и как медиатор этики и ритуала: материальная реальность переплетается здесь с символическим порядком, а через повседневные и церемониальные практики обеспечивается воспроизводство родовых связей и отношений человека с природой. Это культурное измерение оказывается ключевым для понимания социальной структуры и традиций кочевой жизни.

Народные поговорки

Народные поговорки и короткие устные высказывания занимают особое место в системе устного народного творчества, представляя собой «концентрированное выражение народного опыта и мировоззренческих установок»⁵. Под пером писателя они включаются в аналитический контекст как устойчивые формулы, используемые для осмысления и нормативной интерпретации повседневной практики. В самом начале «Книги Тувы» Ван Цзу помещает высказывание старого китайского тувинца: «Если ты не знаешь, куда идти, любая дорога приведет тебя к цели»⁶. Эта эпиграфическая цитата

¹ Wang Zu. 图瓦之书 [Книга Тувы]. Urumqi: Xinjiangrenmin, 2005. С. 29.

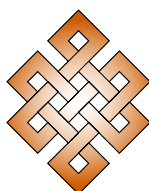
² Традиционная продольная флейта тувинцев и других алтайских народов, древний духовой инструмент пастушеской культуры, звуки которого часто подражают природным шумам.

³ Wang Zu. 图瓦之书 [Книга Тувы]. Urumqi : Xinjiangrenmin, 2005. С. 121.

⁴ Там же. С. 49.

⁵ Урманбетова А. А., Жапарова Г. К. Пословицы и поговорки как репрезентация народного мировоззрения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 9–2 (108). С. 59.

⁶ Wang Zu. 图瓦之书 [Книга Тувы]. Urumqi: Xinjiangrenmin, 2005. С. 1.

задает тон всему тексту и демонстрирует одну из ключевых ориентаций местной ментальности — признание практического действия как способа прояснения пути в условиях неопределенности.

Особо отмечается детское наблюдение о весне: «Мне кажется, что весна — это человек, который медленно поднимается вверх»¹. Этот образ — приметная метафора «очеловечивания» сезонного цикла: тувинцы склонны придавать природе людские черты, интерпретируя ритмы года через опыт движения и роста. Такое антропоморфное видение мира отражает типичную для устной традиции культурную идею единства человека с природой.

Тема смерти в устном репертуаре передается преимущественно через наставления старших и воспринимается как составная часть жизненного порядка. Ван Цзу приводит монолог пожилого человека:

«Как можно забывать о смерти? Прожив жизнь на земле, легко утвердить достоинство жизни, но трудно утвердить достоинство смерти. Поэтому нельзя забывать о смерти. Рождение — большое дело для человека, и смерть — тоже большое дело. Я давно приготовил саван, чтобы моя смерть была спокойной»².

Такое высказывание свидетельствует о том, что смерть не исключается из повседневного порядка как табу, а интегрируется в этику целостного жизненного пути; коллективные практики подготовки саванов указывают на общественную репетицию этой установки.

Все эти высказывания, рожденные из народной прозы, выступают в тексте как своего рода моральные нормы и ориентиры. Они укладываются в «жизненную философию» — не систему абстрактных идей, а практическую мудрость, укорененную в быту и природном чувстве. Литературная фиксация этих формул переводит фольклорный материал в письменный контекст, сохраняя аутентичность устного знания и одновременно придавая ему статус объекта академического анализа.

Символика чисел

Для китайских тувинцев числа выступают не только утилитарными маркерами, но и носителями символического смысла. М. А. Бредис подчеркивает, что числовая символика пронизывает «фольклорные тексты, мифологию, народные поверья, обряды» (Бредис, 2023: 228). В «Книге Тувы» показано, как числовые практики преобразуют бытовые ситуации, наделяя их дополнительными смыслами и упорядоченностью. Как отмечает Г. Г. Кульсарина, числовые представления «наделяют события дополнительным смыслом и действуют как механизм упорядочения поведения: люди с древних времен, как только научились считать, связывали непонятные явления природы и происшествия с числами» (Кульсарина, 2016: 106).

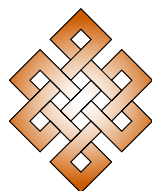
Числа пронизывают игровые практики. Игра «считать овец» в рассматриваемом тексте предстает не как безобидное времяпрепровождение; она описана как институционализируемая соревновательная практика с элементами азартной ставки: победитель получает «овцу» проигравшего, тогда как сам процесс подсчета — до фиксированного предела (в тексте упоминается достижение счета до 300) — сопровождается проговариванием слова «овца» (羊) на каждом шаге, что создает дополнительную когнитивную нагрузку. Успешное завершение счета приобретает публичное значение: победа укрепляет репутацию участника, поражение ведет к насмешкам и потере статуса, уклонение от участия интерпретируется как утрата мужества. В этом смысле процедурно организованный счет функционирует как техника социального отбора и механизм репутационного контроля, превращая цифровую операцию в регулятор поведения и репрезентативную практику.

Интересно отметить, что число «2» занимает особое место в системе культурных представлений китайских тувинцев, проживающих в селе Байхаба, где оно устойчиво трактуется как «хорошее число»³ и нормативно включено в повседневные поведенческие практики. Данная установка находит выражение, в частности, в ритуале угощения молочным чаем: гостю принято подавать две пиалы, поскольку, согласно местным толкованиям, он «вошел в дом на двух ногах и, выпив две пиалы, должен выйти

¹ Там же. С. 148.

² Там же. С. 2.

³ Там же. С. 39.

на двух ногах — к благополучию и спокойствию»¹. Поскольку в тюркских и монгольских языках число 2 не относится к нумеративам с особой символикой (Бредис, 2023: 230), речь скорее идет о выделении значимости бинарной оппозиции. Хотя, в целом, как отмечает Ж. М. Юша, числовой код в ритуальной традиции тувинцев Китая выражен менее отчетливо (Юша, 2018: 139). Принцип дуальности, связанный с данным числом, распространяется и на сферу социальных взаимодействий. Например, в ситуации конфликта между двумя людьми вмешательство третьего лица считается нарушением установленного порядка, поскольку подрывает идею парного противостояния и воспринимается как несоблюдение нормы равенства сторон. Представление о двойственности прослеживается также в организации жизненного уклада: в локальной традиции закреплено представление о двух этапах использования верховых коней — в молодости и в зрелом возрасте, что задает ритмическую модель жизненного движения и отражает нормативное осмысление возрастных переходов.

Символика чисел у китайских тувинцев показывает, что числительные выступают не просто как количественные показатели, но и как носители культурных смыслов и философских установок. Практики, например игра «считать овец», и особая роль числа «2» переводят элементы повседневного опыта в плоскость символического порядка, формируя устойчивый культурный код. Таким образом числовые практики выступают индикаторами социальной организации и мировоззренческих представлений тувинцев, отражая их представления о непрерывности жизни и стремление к внутреннему равновесию.

Китайские тувинцы и Чингисхан

Фигура Чингисхана в «Книге Тувы» представлена как центральный символ происхождения и сакрального основания тувинской идентичности. О значимости монгольского завоевателя для тувинцев пишут и историки Тувы: «идеализированный мифологический образ Чингисхана и память о нем сохранились в тувинских легендах и преданиях» (История Тувы, 2001: 155). На этом фоне в произведении подчеркивается, что во многих свидетельствах тувинцы утверждают свою связь с потомками Чингисхана. Поскольку писатель не принадлежит к тувинскому этносу, его художественная реконструкция усиливает и типизирует увиденные им мотивы, представляя Чингисхана как фигуру сакрального статуса в представлениях китайских тувинцев. Китайские этнологи дают критическую оценку подобным авторским утверждениям и рассматривают их как результат художественного домысливания и интерпретации внешнего наблюдателя. С их точки зрения такие описания отражают преимущественно поверхностный уровень восприятия и не передают сложной структуры исторической памяти китайских тувинцев (Guan Bingsheng, 2011: 17).

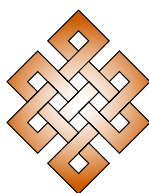
В литературном контексте «Книги Тувы» Чингисхан функционирует прежде всего как универсальный эпический образ, усиливающий масштаб повествования и вписывающий локальное сообщество в широкий алтайский историко-культурный горизонт. Вместе с тем подобная символизация носит характер идеализации, поскольку сглаживает сложную и внутренне противоречивую дискуссию, существующую среди самих тувинцев относительно чингизидного наследия.

Эта неоднозначность особенно отчетливо проявляется в интервью, проведенном профессором Гуань Биншэн в 2008 г. с одним из китайских тувинцев. Текст интервью опубликован в его монографии «Этническая группа в эволюционной игре. Исследование китайских тувинцев» (Guan Bingsheng, 2011). В ряде свидетельств Чингисхан воспринимается не как прародитель или сакральная фигура, а как чуждый завоеватель, связанный с насильственной ассимиляцией. Так, по словам одного из информанта писателя Ван Цзу, «Чингисхан был врагом тувинцев: его монгольские войска покорили нас, а затем включили тувинцев в свои армии»². Данная позиция актуализирует травматический аспект исторической памяти и вступает в противоречие с идеализированным образом, представленным в литературном тексте.

Дополнительное усложнение вносит и государственный фактор: в китайских паспортах тувинцев этническая принадлежность фиксируется как «монгол», что институционально закрепляет внешнюю идентификацию с монгольским наследием и усиливает символическую значимость фигуры Чин-

¹ Там же. С. 40.

² Там же. С. 16.

гисхана вне зависимости от локальных интерпретаций. В результате значение этого образа оказывается подвижным и многослойным, балансируя между мифом о происхождении, исторической памятью о завоевании и современными механизмами этнической классификации.

С литературоведческой точки зрения обращение писатель Ван Цзу к образу Чингисхана целесообразно рассматривать не как стремление к этнографической точности, а как прием культурной символизации. Чингисхан здесь выступает прежде всего как литературная фигура — конструктор культурного пространства, позволяющий связать маргинальную общину с «большой историей» и придать повествованию пафос вселенской связанности. Такая стратегия усиливает мемориальную функцию текста: «Книга Тувы» предстает не только хроникой реальности, но и художественным конструктом культурного смысла, в котором историческая фигура используется как инструмент репрезентации, а не как однозначный знак коллективной идентичности.

Заключение

В послесловии Ван Цзу прямо формулирует свои творческие намерения: еще во время первой поездки в деревню Байхаба в 1998 г. у него возникло внезапное ощущение возможности «написать книгу о тувинцах этого селения»¹. Работа над произведением началась в сентябре 2002 г., к марту 2003 г. был подготовлен первый вариант, и уже на ранних этапах писатель отмечал, что «прикоснулся к душе Байхабы»² — это переживание, которое сопровождало его до завершения работы и стало источником радости и счастья от писательского труда.

Заключительная цитата на обложке «Книги Тувы» гласит: «Если деревня не исчезла, ее история не будет утрачена». Этот лейтмотив отражает замысел Ван Цзу: собрать разрозненные бытовые фрагменты в единую картину жизни и культуры китайских тувинцев. В рамках данного исследования мы трактуем описываемые кочевой порядок, повседневную мудрость и цифровые практики именно как элементы репрезентативной функции письма. При этом здесь также можно отметить и ряд элементов трансформации традиционного мировоззрения кочевников, особенно в сравнении с выводами «основного» тувиноведения. Литературный текст выступает здесь не просто регистратором опыта, но конструктором культурного смысла: он придает маргинализованной общности (Guan Bingsheng, 2008; Guan Bingsheng, 2012; Nan Kuaimodege, 2012) устойчивое «историческое бытие» в текстуальной форме. Слова, рассказы и обряды, перенесенные Ван Цзу на страницы книги, сохраняют аутентичность устной традиции и одновременно приобретают статус предмета академического анализа. Таким образом «Книга Тувы» выполняет двойную роль — художественную и мемориальную: она способствует продолжению культурной памяти тувинцев Китая и генерирует новые акты культурного воображения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бредис, М. А. (2023) Символика числа девять в тувинской лингвокультуре (на фоне ряда тюркских и монгольских языков) // Новые исследования Тувы. № 1. С. 228–242. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

История Тувы (2001). 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. С. И. Вайншейна, М. Х. Маннай-оола. Новосибирск : Наука. Т. 1. 367 с.

Кульсарина, Г. Г. (2016) Этнокультурная символика чисел в языке башкирского фольклора // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10 (64). Ч. 1. С. 106–109.

Монгуш, М. В. (2010) Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака : Национальный Музей Этнологии. 357 с.

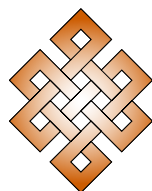
Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир (1988) / под ред. И. Н. Гемуева. Новосибирск : Наука, Сибирское отделение. 225 с.

Юсинь, Ху (2014) Анализ современной жизни тувинцев Китая // Новые исследования Тувы. № 1. С. 96–103.

Юша, Ж. М. (2013) Современное бытование фольклорной традиции у тувинцев Китая // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 56–62.

¹ Там же. С. 339.

² Там же. С. 340.

Юша, Ж. М. (2017) Тувинцы Китая в XXI веке: веки истории и современное состояние // Новые исследования Тувы. № 1. С. 102–119. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.7>

Юша, Ж. М. (2018) Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века. Структура. Семантика. Прагматика. Новосибирск : Наука, Издательство СО РАН. 400 с.

Chen Chao (2006) 喀纳斯湖畔的“云间部落” [«Племя в облаках» на берегу озера Канас] // 今日新疆 [Сегодняшний Синьцзян]. № 8. С. 54. (На кит. яз.).

Guan Bingsheng (2008) 以中国图瓦人看风险社会中的当代边缘族群 [Современные маргинальные группы в обществе риска с точки зрения китайских тувинцев] // 新疆社会科学 [Социальные науки Синьцзяна]. № 2. С. 107–112. (На кит. яз.).

Guan Bingsheng (2011) 族群的演进博弈 — 中国图瓦人研究 [Этническая группа в эволюционной игре. Исследование китайских тувинцев]. Beijing : Shehuikexuewenxian. 380 с. (На кит. яз.).

Guan Bingsheng (2012) 现代性困局中的边缘族群: 中国图瓦人面临的主要社会问题 [Маргинальные этнические группы в условиях кризиса модерности: основные социальные проблемы китайских тувинцев] // 中国边政 [Китайская пограничная политика]. № 189. С. 95–102. (На кит. яз.).

Hu Jinsheng (2005) 神奇阿勒泰 [Чудесный Алтай]. Beijing : Xuexi. 223 с. (На кит. яз.).

Kai Hua (2025) 图瓦语国内研究现状综述 [Обзор исследований тувинского языка в Китае] // 品位·经典 [Вкус Классика]. № 19. С. 62–64. (На кит. яз.).

Ke Min (2011) 图瓦人的“云间部落” — 布尔津白哈巴 [Тувинское «племя в облаках» — Байхаба уезда Бурджин] // 中华建设 [Китайское строительство]. № 12. С. 51–53. (На кит. яз.).

Nan Kuaimodege (2012) 新疆图瓦人的传统文化: 现代化还是边缘化 [Традиционная культура тувинцев Синьцзяна: модернизация или маргинализация] // 西北民族大学学报 (哲学社会科学版) [Вестник Северо-Западного университета национальностей (Серия: Философия и социальные науки)]. № 6. С. 120–125. (На кит. яз.).

Wang Jinghui (2005) 图瓦村: 所谓伊人, 在水一方 [Тувинская деревня: место с необыкновенным шармом] // 中国国家地理 [Китайская национальная география]. № 10. С. 502.

Wu Shuang (2005) 最后的图瓦人: 阿尔泰山脚下孤独的传奇 [Последние тувинцы: одинокая легенда у подножия Алтая] // 科学大观园 [Научный сад]. № 22. С. 83–85. (На кит. яз.).

Xue Tianbao (2003) 聚焦神奇的“云间部落” — 图瓦人栖身地禾木村采风散记 [Удивительное «племя в облаках» — заметки о деревне Хэму] // 青海金融 [Цинхайские финансы]. № 19. С. 63–64. (На кит. яз.).

Дата поступления: 05.02.2026 г.

Дата принятия: 04.03.2026 г.

REFERENCES

Bredis, M. A. (2023) The symbolism of the number nine in Tuvan linguistic culture (against the background of certain Turkic and Mongolic languages). *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 228–242. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.13>

History of Tuva (2001). 2nd ed., revised and enlarged. Eds. S. I. Vainshtein and M. Kh. Mannai-ool. Novosibirsk, Nauka. Vol. 1. 367 p. (In Russ.)

Kulsarina, G. G. (2016) Ethnocultural symbolism of numbers in the language of Bashkir folklore. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 10 (64), part 1, pp. 106–109. (In Russ.)

Mongush, M. V. (2010) *One people: three destinies. Tuvans of Russia, Mongolia and China in a comparative context*. Osaka, National Museum of Ethnology. 357 p. (In Russ.)

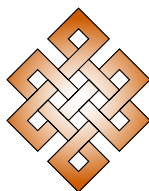
Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. The material world (1988). Ed. by I. N. Gemuev. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch. 225 p. (In Russ.)

Yu Xin (2014) Analysis of the contemporary life of Chinese Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 96–103. (In Russ.)

Yusha, Zh. M. (2013) The modern existence of the folklore tradition among the Chinese Tuvans. *Sibirskii filologicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 56–62. (In Russ.)

Yusha, Zh. M. (2017) Chinese Tuvans in the 21st century: milestones of history and the current state. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 102–119. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2017.1.7>

Yusha, Zh. M. (2018) *Folklore and ritual of the Chinese Tuvans in the early 21st century: structure, semantics, pragmatics*. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch of the RAS. 400 p. (In Russ.)

- Chen Chao (2006) "The 'Tribe in the Clouds' by Kanas Lake." *Jinri Xinjiang [Today's Xinjiang]*, no. 8, p. 54. (In Chin.)
- Guan Bingsheng (2008) "Contemporary marginal groups in the risk society from the perspective of Chinese Tuvans." *Xinjiang shehui kexue [Social Sciences of Xinjiang]*, no. 2, pp. 107–112. (In Chin.)
- Guan Bingsheng (2011) *The evolution game of an ethnic group: a study of Chinese Tuvans*. Beijing, Shehuikexue wenxian. 380 p. (In Chin.)
- Guan Bingsheng (2012) "Marginal ethnic groups in the dilemma of modernity: the main social problems faced by Chinese Tuvans." *Zhongguo bianzheng [Chinese Border Policy]*, no. 189, pp. 95–102. (In Chin.)
- Hu Jinsheng (2005) *Magical Altai*. Beijing, Xuexi. 223 p. (In Chin.)
- Kai Hua (2025) "A review of domestic research on the Tuvan language in China." *Pinwei Jingdian [Taste Classics]*, no. 19, pp. 62–64. (In Chin.)
- Ke Min (2011) "The 'Tribe in the Clouds'—Baihaba, Burqin County." *Zhonghua jianshe [China Construction]*, no. 12, pp. 51–53. (In Chin.)
- Nan Kuaimodege (2012) "Traditional culture of the Xinjiang Tuvans: modernization or marginalization." *Xibei minzu daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban) [Journal of Northwest University for Nationalities (Philosophy and Social Sciences Edition)]*, no. 6, pp. 120–125. (In Chin.)
- Wang Jinghui (2005) "Tuvan village: a place of unusual charm." *Zhongguo guojia dili [China National Geography]*, no. 10, p. 502. (In Chin.)
- Wu Shuang (2005) "The last Tuvans: a lonely legend at the foot of the Altai Mountains." *Kexue daguanyuan [Science Panorama]*, no. 22, pp. 83–85. (In Chin.)
- Xue Tianbao (2003) "Focusing on the magical 'Tribe in the Clouds': notes on the village of Hemu, home of the Tuvans." *Qinghai jinrong [Qinghai Finance]*, no. 19, pp. 63–64. (In Chin.)

Submission date: 05.02.2026.

Acceptance date: 04.03.2026.